

В. Н. Рудаков

ИРИ РАН, Москва, Россия. ps-rudakov@yandex.ru

ПРОСЛАВЛЕНИЕ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Анализ Житийной повести об Александре Невском, созданной в сразу после кончины князя, позволяет сделать вывод о том, что вовсе не борьба «с латинством и Западом», как это часто трактуется в историографии, стала главным мотивом прославления святого благоверного князя. Главным достоинством Александра, с точки зрения его агиографа, была храбрость, сопоставимая с храбростью Александра Македонского, а также оказываемая князю помощь свыше, благодаря которой он был непобедим. В период, наступивший после нашествия Батыя, во время которого большинство русских князей фактически отказались от борьбы с врагом, перечисленные качества Александра очевидно выделяли его из общего ряда правителей русских земель и давали основания для посмертного прославления.

Ключевые слова: Александр Невский, Александр Македонский, «Солнце земли Суздальской», нашествие Батыя, Рим, католицизм, храбрость, прославление

Автор считает приятным долгом поблагодарить К. В. Вершинина, Г. С. Гадалову, С. В. Городилина, А. А. Горского, Е. Л. Коняевскую, В. А. Кучкина, П. В. Лукина, П. С. Стефановича, М. К. Юрасова, принявших участие в обсуждении текста и высказавших ценные предложения по его доработке.

Князь Александр Невский – одна из ключевых фигур отечественной истории. При этом «агиографический образ Александра как истинного христианского правителя – защитника своей земли... имеет самостоятельное значение в русской истории, не исчерпывающееся биографическими реалиями» [Хорошкевич, Плигузов, с. 24]: в разные исторические эпохи этот образ уточнялся, дополнялся новыми смыслами и оттенками, которые соответствовали менявшимся духовным запросам, идеологическим и геополитическим установкам русского общества [Шенк]. Цель работы – на основе анализа Житийной повести об Александре Невском реконструировать мотивы его прославления во второй половине XIII в. В историографии давно сложилось представление о том, что основным мотивом прославления князя стала его непримиримая борьба «с латинством и Западом», в которой Александр выступал в качестве защитника православия от экспансии католицизма [Федотов, с. 93, 99; Вернадский, с. 318–319, 335; Хорошев, с. 79–80; Хорошкевич, Плигузов, с. 24; Данилевский 2005, с. 126; Шенк, с. 66; и др.]. Однако главным источником для анализа возможных причин посмертного прославления Александра Ярославича должно быть Житие князя, поскольку «житие святого – это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости» [Живов, с. 10]. В какой мере существующие в историографии представления опираются на текст самой ранней редакции Жития об Александре Невском?

Создание произведения относится к 1263–1265 гг. ([Кучкин 1990, с. 36–39], ср.: [Бегунов, с. 17–21]), оно имеет своеобразную жанровую специфику. С одной стороны, очевидно, что Повесть «о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра» изначально была посвящена жизнеописанию святого [Мансикка, с. 33 (первой пагинации)]. С другой стороны, рассказ о жизни великого князя явно вышел за рамки сложившегося агиографического канона, поскольку автор произведения делал упор на земные качества Александра – выделял его красоту, силу голоса, физическую силу, ум, личную храбрость [Смирнов, с. 67–68; Ключевский, с. 66–67; Лихачев, с. 258]. В источнике речь идет о семи случаях, когда Александр так или иначе вступает во взаимодействие с представителями западного неправославного мира – шведами (1 раз), «немцами» (4), посланцами папы римского (1) и язычниками литовцами (1).

Анализ этих сюжетов позволяет понять, в какой мере на прославление князя повлияла его позиция в отношении Запада и, в первую очередь, его отношение к католицизму.

«Римляне» и Невская битва

Ключевым для анализа текста Житийной повести является рассказ о победе Александра в ходе Невской битвы над шведским отрядом¹. Еще Н. М. Карамзин трактовал эти события как сугубо территориальный спор между шведским королем и Александром [Карамзин, с. 18]. Однако начиная с С. М. Соловьева, писавшего о том, что в 1240 г. предводитель шведов, «побуждаемый папскими посланиями, предпринял крестовый поход против Руси (здесь и далее курсив в цитатах мой. – В. Р.)», столкновению со шведским отрядом стало придаваться религиозное значение. Тот факт, что в «сказании о подвигах Александра» шведы «не иначе называются как римлянами», был истолкован классиком отечественной историографии как «*прямое указание на религиозное различие, во имя которого предпринята была война*» [Соловьев, с. 148–149]. Впоследствии такая трактовка Невской битвы получила широкое распространение: как отмечал И. П. Шаскольский, «в дошедших до нас текстах Жития Александр представлен как борец не просто против шведов, а против сил римско-католической Европы» ([Шаскольский, с. 195]; см.: [Пашуто 1956, с. 175; Пашуто 1968, с. 293; Пашуто 1974, с. 61–62; Рамм, с. 127–130; Линд, с. 44–52; Кудрявцев, с. 81; и др.]²). Но можно ли считать, что топоним «Рим» и производные от него слова «римский» и «римляне», использованные составителем первоначальной редакции Житийной повести по отношению к шведам, являются маркерами ее антикатолической направленности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, во-первых, определить отношение составителя Житийной повести к самому топониму «Рим» и производным от него и, во-вторых, оценить, как определялись цели, которые, согласно Житийной повести об Александре Невском, преследовали шведы. В свое время Н. В. Сеницыной было верно подмечено, что «существуют географические названия, лишенные локализации в единственной точке пространства» [Сеницына, с. 7]. В полной мере это относится к Риму в том смысле, что в ценностной системе координат русского средневекового писателя понятие «Рим» могло иметь разные значения. Житийная повесть об Александре Невском служит ярким тому подтверждением³. Всего «Рим» и производные от него слова в тексте упоминаются пять раз. Только два из них непосредственно связаны с описанием шведов, предводитель которых назван «*королем части Римьския от Полунощныя страны*», а они сами – «*римлянами*» [Бегунов, с. 188–189]. Остальные три упоминания не относятся к конфессиональной характеристике шведов. В первом из них

¹ Помимо Житийной повести, рассказ об этом событии сохранился только в одном источнике – летописной статье Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) старшего извода под 6748 (1240) г. (см.: [ПСРЛ, т. 3, с. 77]).

² Есть и другой подход, согласно которому «оппонент св. князя», названный «*королем части Римьския*», тем не менее, «остаётся конфессионально не определен», равно как и ведомые им шведы, которых «трудно идентифицировать как латинскую» силу (см.: [Костромин, с. 126–127]). Дополнительным аргументом в пользу антикатолической направленности действий Александра считают упоминание в рассказе другого источника о Невской битве, НПЛ, неких «*пискупов*» (епископов), находящихся в шведском войске («*придоша Свѣй в силѣ велицѣ... съ княземъ и съ пискупы своими*»), а также сообщение, что один из них в ходе сражения был убит: «*и ту убиень бысть воевода ихъ, именемъ Спиридонъ; а инии творяху, яко и пискупъ убиень бысть ту же*» [ПСРЛ, т. 3, с. 77]. Критику такого подхода см.: [Назарова, с. 197–198]. Случай, когда шведы брали с собой в поход священнослужителей такого ранга, фиксировался и ранее [ПСРЛ, т. 3, с. 26]. О том, что католические епископы могли участвовать в военных действиях наряду с рыцарями, сообщала записанная в конце XIII в. «*Старшая Рифмованная хроника*» в рассказе о сражении рыцарей с псковичами в 1240 г. (см.: [Матузова, Назарова, с. 230]). В Житийной повести об Александре Невском «*пискупы*» (ни во множественном, ни в единственном числе) среди участников похода не упоминаются вовсе. Можно предположить, что, если бы автор текста намеревался подчеркнуть конфессиональную составляющую военной акции шведов, он имел бы возможность добавить и эту деталь.

³ Небесным покровителем самого великого князя был, скорее всего, св. Александр Римлянин [Кучкин 1996, с. 20; Литвина, Успенский, с. 465].

Рим фигурирует в контексте сравнения Александра Ярославича с императором Веспасианом: «храборъство же его – аky царя римскаго Еуспесиана» [Бегунов, с. 187] (подробнее о смысле этого сравнения – ниже). Очевидно, что в данном случае «Рим, который для автора середины XIII века должен был бы так или иначе ассоциироваться с латинством, прежде всего выступает как позитивный образ античного города, в котором живут достойные подражания герои» ([Костромин, с. 126]; ср.: [Барсов, с. 217]). В двух оставшихся случаях Рим назван «великим», что уже само по себе свидетельствует скорее об уважительном, нежели уничижительном или враждебном отношении к нему. Во-первых, речь идет о фрагменте, повествующем о приезде к Александру послов-миссионеров «от папы из великого Рима», а во-вторых, о перечислении географических объектов, до которых дошла слава об Александре («И нача слыти имя его по всѣмъ странамъ, и до моря Хонужьскаго, и до горъ Араратьскихъ, и об ону страну моря Варяжскаго, и до великаго Риму» [Бегунов, с. 173]). В первом случае «великий Рим» напрямую ассоциируется с папой и католицизмом, однако сам по себе рассказ о приезде миссионеров к Александру не содержит каких-либо выпадов в отношении посланного их в Новгород папы и Рима в целом (подробный анализ этого сюжета – ниже). Во втором случае упоминание «великого Рима» не нагружено конфессиональными смыслами, равно как не нагружены ими и другие упоминаемые через запятую топонимы: Хонужское (Хапужское или Каспийское [Поспелов, с. 222]) и Варяжское (Балтийское) моря, а также Араратские горы. Автор Повести лишь очерчивает крайние точки географического пространства, на котором стали прославлять («нача слыти») Александра Ярославича. Заметим при этом, что Варяжское море (собственно, его побережье – это и есть «часть Римская от Полунощной страны»), откуда и прибыли в устье Невы шведы, в этом отрывке географически разнесено с «великим Римом»⁴. К этому можно добавить, что в синхронных Житийной повести памятниках, например летописных статьях НПЛ, рассказы о шведах также не носят какой-либо конфессиональной коннотации (в том числе и в сообщении о Невской битве, где они названы вполне нейтрально – «иноплеменниками» [ПСРА, т. 3, с. 77]). Да и в целом в НПЛ западные иноземцы «подразумевались носителями зла» не сами по себе, а лишь когда захватывали новгородские или псковские территории [Древнерусская литература, с. 158–170].

Таким образом, использование в тексте Житийной повести топонима «Рим» и производных от него в отношении шведов, хоть и отмечало их конфессиональную принадлежность, априори не несло какой-либо негативной смысловой нагрузки. Это тем более оправдано, что и сам поход 1240 г., в соответствии с данными современной науки, скорее всего, не был продиктован религиозными целями (см. подробнее: [Шаскольский, с. 148, 195; Назарова, с. 199; Кучкин 1996, с. 24; Флоря, с. 148–149; Назаренко; Горский 2021, с. 22].

Тональность самого рассказа о Невской битве и то, как автор Житийной повести определяет цели шведского отряда, полностью соответствуют такой оценке: в источнике поход шведов объясняется намерением их предводителя захватить территории, подконтрольные князю Александру, а не стремлением обратить русского князя или его подданных в свою «римскую» веру. В молитве, вложенной в уста Александру, проступок, совершенный предводителем шведов, также оказывается связан с тем, что тот нарушил установленные Богом для разных народов «пределы», преступив «в чюжую часть», а вовсе не с насаждением чуждой веры [Бегунов, с. 188]. При этом в своей молитве, в которой цитируются слова 34-го псалма, князь просил помощи Господа о защите против своего личного противника, а вовсе не врага церкви [Бегунов, с. 188].

⁴ В одном из списков Житийной повести шведы так и названы – «сила Варяжская» [Мансикка, с. 3 (второй пагинации)].

Немцы и битва на Чудском озере

Рыцари Тевтонского ордена несколько раз упоминаются в Житийной повести. В первом эпизоде говорится о том, что «*никто силенъ от Западныхъ страны, иже нарицаются слугы Божия, от тѣхъ прииде, хотя видѣти дивный възрастъ его, яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотяци слышати премудрости его.* Тако и сей, именовъ Андрѣяшь, видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече: “Прошедъ страны, языкъ, не видѣхъ такового ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя”» [Бегунов, с. 188]⁵. Миссия представителя Ордена⁶ имела ознакомительный характер, и оценка, которую согласно Житийной повести, дал иноземный визитер Александру, оказалась более чем лестной.

При этом столкновение с тевтонскими рыцарями на Чудском озере автор Житийной повести описывает точно так же, как и сражение со шведами, – как еще один пример проявления военных доблестей князя, а вовсе не как столкновение на религиозной почве: «по побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди короля, в третий год, в зимнее время, поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуше: “Укоримъ словеньскый языкъ ниже себе”» [Бегунов, с. 190]⁷. После чего князь изгнал врагов из занятого ими Пскова. В ответ противники Александра решили: «поидемъ и побѣдим Александра и имемъ его руками». И в этом сюжете нет упоминаний о каких-либо их действиях, которые могли бы быть так или иначе интерпретированы в качестве угрозы православной вере. При этом «*мужи Александровы*» заверяют князя в готовности сражаться лично за него («положити главы своя за тя»), а сам Александр, цитируя псалом 42: 1, возносит молитву к Господу с просьбой помочь лично ему («суди ми, Боже, и разсуди прю мою от языка велерѣчна, и помози ми, Господи...») [Бегунов, с. 191]. Что и происходит: «полкъ Божий на въздусъ, пришедши на помощь Александрови». Тем самым «*прослави Богъ Александра* предъ всѣми полкы, яко же Иисуса Наввина у Ерегона», поскольку вновь «не обрѣтется противникъ ему въ брани никогда же» [Бегунов, с. 191].

Лишь в трех списках Житийной повести «немцы» названы безбожными: в первом случае напрямую («Уже бо бяше град Псковъ взятъ и намѣстники от немецъ посажени. Он же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немецъ изсѣче, а инѣхъ повяза и градъ свободы от безбожныхъ немецъ» [Бегунов, с. 169]) и в другом случае индифферентно («разсуди прю мою от языка *непреподобна*» [Бегунов, с. 171], то есть от нечестивого, безбожного народа, см.: [СЛРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 247]⁸). Однако в остальных списках фразы читаются иначе. В первом случае – «Уже бо бяше град Плесковъ взятъ, и тиуни ихъ посажени. Тѣхъ же князь Олександръ изыма, град Плесковъ свободы от плъна» [Бегунов, с. 169, примеч. 99; с. 190], а во втором – «разсуди прю мою от языка *велерѣчна* (вариант – *велерѣчива*)» [Бегунов, с. 171, примеч. 84; с. 191]. Стоит отметить, что Ю. К. Бегунов, реконструируя первоначальный текст Жития Александра Невского, остановился именно на этих вариантах [Бегунов, с. 190–191].

При этом составитель Житийной повести дважды ставит под сомнение христианскую сущность рыцарей, приходящих с Запада, но делает это в весьма неагрессивной, скорее про-

⁵ Этот исторический факт известен лишь по Житию Александра Невского. В историографии высказывались соображения по поводу даты прибытия посольства [Кучкин 1996, с. 23; Назарова, с. 195].

⁶ Судя по всему, это был вице-магистр Ордена меченосцев Андреас фон Вельвен [Бегунов, Клейненберг, Шаскольский, с. 225; Кучкин 1996, с. 22].

⁷ В данном случае слово «язык» следует трактовать в значении ‘народ’, ‘племя’. [Срезневский, стб. 1647–1648]. В других местах Житийной повести это слово употребляется в этом же значении: «Прошедъ страны, языкъ, не видѣхъ такового ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя»; «Боже... поставивый предѣлы языкомъ, повелѣ жити, не прѣступая в чужую часть»; «суди ми, Боже, и разсуди прю мою от языка велерѣчна, и помози ми, Господи...»; «в то же время умножися языка литовьскаго»; «царь силенъ на Въсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покорилъ языки многы, от востока даже и до запада» [Бегунов, с. 188, 191, 192].

⁸ Это именование объясняется тем, что начало молитвы, вложенной в уста Александра, является цитатой одного из псалмов Давида, где враги также названы «языкомъ непреподобнымъ»: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою: от языка не преподабна, от человека неправедна и лъстива избави мя» (Пс 42: 1).

ничной манере. Рыцари, от которых пришел «нѣкто силенъ от Западныя страны», названы «иже нарицаются слугы Божия», а пришедшие на Чудское озеро немцы в Житии поименованы как «иже именують себе Божии ритори» [Бегунов, с. 187, 191]. Очевидно, что, с точки зрения автора Житийной повести, в действительности ни те, ни другие таковыми не были, а лишь «сами себя так называли». Однако при этом конфессиональная составляющая конфликта им не выпячивалась, свидетельством чему является фрагмент, в котором псковское духовенство прославляет Александра за победу над «иноязычниками», а не над иноверцами [Бегунов, с. 191]⁹.

Такая трактовка врагов Александра корреспондируется с тем, что и в Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.), и в НПЛ рассказы о сражении на Чудском озере также лишены каких-либо конфессиональных коннотаций [ПСРЛ, т. 1, стб. 74, 77; т. 3, с. 78]¹⁰. В этом смысле упоминания немцев и в Житийной повести, и в рассказе НПЛ о битве на Чудском озере очень близки к беспристрастной юридической терминологии, встречающейся, например, в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262–1263 гг. В ней «нѣмци» упоминаются в качестве части «всего латинского языка», но при этом подобное указание оказывается совершенно нейтральным, не несущим каких-либо дополнительных оценок и смыслов – лишь описывающим одну из сторон (наряду с представителями других иноземных территорий) договора¹¹.

Еще один эпизод Житийной повести, связанный с тевтонцами, касается строительства ими крепости Копорье во владениях Александра и его ответными действиями. И хотя поступок рыцарей вполне можно было бы интерпретировать как попытку католической экспансии на новгородские земли, автор Житийной повести этого не делает, сообщая лишь о военной стороне произошедшего: «Въ второе же лѣто по возвращении с побѣдою князя Олександра приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град въ отечьствѣ Олександровѣ. Князь же Олександро воскорѣ иде и изверже град их из основания, а самѣх извѣша и овѣх с собою поведе, а инѣх, помиловавъ, отпусти: бѣ бо милостивѣ паче мѣры» [Бегунов, с. 190]. В той же тональности Житийная повесть описывает и действия сына великого князя – князя Дмитрия Александровича, посланного отцом «на Западныя страны», то есть на тех же тевтонских рыцарей, с которыми сражался Александр. И в этом случае на первом месте у книжника стояла военная составляющая. Князь Дмитрий также добился крупного успеха: «плъни землю Нѣмецкую, и взя град Юрьевъ, и възвратися к Новугороду съ многымъ полоном и с великою корыстию» [Бегунов, с. 193]. Точно так же описывались и военные победы самого Александра Ярославича над язычниками-литовцами [Бегунов, с. 192].

Посольство от папы и поездка к царю

Единственный эпизод Повести «о житии и о храбрости», в котором речь идет о взаимоотношениях князя с католическим миром по поводу вопросов веры, – это рассказ о посольстве «от папы из великого Рима». Послы прибыли, чтобы сообщить князю «учения ихъ о законѣ Божии». Но, как отмечает современный исследователь, «дав суммарный, основанный на Библии обзор развития мировой истории, представленный в виде перечисления ее основных эта-

⁹ Кстати, судя по всему, со стороны «немцев» сражение с Александром Ярославичем также не воспринималось как столкновение, произошедшее на религиозной почве (см.: [Шаскольский, с. 195]).

¹⁰ О причинах такой сдержанности новгородских летописцев см.: [Лаушкин 2019, с. 243–245; Флоря, с. 130].

¹¹ «Что ся учинило тяже межи новгороци и межу нѣмци, и гты, и со всѣмъ латиньскимъ языкъмъ, то все отложихомъ, а миръ докончашъ на сеи правдѣ. Новгородъмъ гостити на Гоцкыи берегъ бес пакости, а нѣмцьмъ и гтьмъ гостити в Новъгородъ бес пакости и всему латиньскому языку, на старьи миръ» (см.: [ГВНП, с. 57]). Такое же нейтральное упоминание немцев содержится и в Договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. и других юридических памятниках (см.: [Памятники русского права, с. 57–71]). Подробнее об отношении новгородцев с немецкими купцами в этот период см.: [Lukin].

пов “От Адама ... до первого збора и седмого”, то есть до вселенских церковных соборов, Александр далее резко заключал: “... си вся добре сведаем, а от вас учения не приемлем”» [Кудрявцев, с. 85]. Других подробностей переговоров Житийная повесть не сообщала. Единственное в ранних русских источниках упоминание о контактах Александра Невского с папской курией оказалось весьма лаконично: эпизод занимает меньше 6 % от общего объема текста Житийной повести. Весьма незначительный «удельный вес» рассказа о посольстве свидетельствует о том, что «конфессиональная» тема была периферийной, с точки зрения княжеского агиографа. При этом рассказ не содержит какой-либо полемики с папскими послами [Майоров, Руденкова, с. 932]¹². По мнению К. А. Костромина, «этот текст замечателен своей эмоциональной выдержанностью и отсутствием полемической заостренности» [Костромин, с. 127]¹³.

Что же касается в целом «конфессиональной» тематики, то в этом смысле стоит более внимательно отнестись к рассказам о действиях татар в Житийной повести, сопоставив их описание с повествованием о католических народах Запада – шведах и немцах. В. А. Кучкин справедливо указывает на то, что «вопросу о взаимоотношениях с монголо-татарами в этом памятнике отведено совсем немного места». По его мнению, «видимо, ни время, когда создавался памятник, ни характер отношений Александра к монголо-татарам не способствовали ее раскрытию» [Кучкин 1990, с. 39–40]. Вместе с тем определенное представление об отношении книжника к ханской власти и замыслам татар Житийная повесть все-таки дает. С одной стороны, в произведении признается власть хана над русскими землями [Бегунов, с. 192], но, с другой стороны, содержатся указания на враждебные действия татар в отношении русских земель.

Во-первых, это рассказ о карательной экспедиции ордынских войск против брата Александра Андрея Ярославича в 1252 г. По мнению В. А. Кучкина, экспедиция «описана в очень сдержанных тонах», поскольку «убийства, грабежи и насилия монголо-татар, преследовавших князя Андрея Ярославича, о которых говорилось в Лаврентьевской летописи, в Житии Александра Невского были обойдены молчанием» [Кучкин 1990, с. 39]. Между тем это не совсем так: конечно, по сравнению с рассказом Лавр. Житийная повесть гораздо сдержаннее описывает последствия татарского погрома, но и в ней содержится косвенная характеристика произошедшего разорения: «По плѣнени же Невруеве князь великий Олександръ церкви въздвигну, грады исполни, люди распужены събра в дома своя» [Бегунов, с. 192]. То есть результатом «пленения» стало разорение храмов и городов, которые Александру пришлось «воздвигать» и «исполнять», а также страх, охвативший жителей, которых князю пришлось возвращать «в дома своя». Даже такой сдержанный рассказ выглядит более чем подробным описанием бесчинств, совершенных татарами, если сравнивать его с находящимся в Житийной повести весьма лапидарным сообщением о пребывании тевтонских рыцарей в Пскове: «Уже бо бяше град Плесковъ взят, и тиуни их посажени. Тѣх же князь Олександро изыма, град Плесковъ свободи от плѣна» [Бегунов, с. 190]. Получается, что, согласно Житийной повести, после двух-летнего пребывания рыцарей в Пскове князю не пришлось заниматься ни восстановлением

¹² Подробнее о причинах и результатах миссии см.: [Горский 2018, с. 187–189].

¹³ Между тем материал для усиления антикатолической составляющей у составителя Житийной повести был. К. А. Костромин справедливо обращает внимание на сходство описания прихода послос к Александру Невскому «от папы из великого Рима и «немцев из Рима», приезжавших к князю Владимиру. Но в Повести временных лет сказанное немцами было не просто отвергнуто князем («рече же Володимеръ нѣмцемъ: “Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть”»), но и сопровождалось резкой антилатинской отповедью, вложенной в уста курсунских попов: «не преймай же ученья от латинъ, ихъ же ученья развращено ... Богъ да схранитъ тя от сего» (см. [Повесть, с. 39–40, 51–52]). Ничего подобного в Житийной повести нет [Костромин, с. 127].

храмов, ни собиранием людей, а после татарского набега на Суздальскую землю потребность в таких действиях была¹⁴.

Во-вторых, критическое отношение к татарам проявилось и в описании их намерений привлечь русских к участию в своих завоевательных походах: «Бѣ же тогда *нужда велика* от иноплеменникъ, и *гоняют христианъ, веляще с собою воиньствовати*. Князь же великий Олександро поиде к цареви, дабы отмолити людии от *бѣды* тоя» [Бегунов, с. 193]. Имея в виду этот фрагмент, В. А. Кучкин отмечает, что это – «единственный прямой выпад в памятнике против монголо-татар» и что «лишь в одном месте Жития прорывается отрицательное отношение его автора к иноземному игу» [Кучкин 1990, с. 39]. Однако важно обратить внимание на то, что татары при этом прямо противопоставляются русским по конфессиональному признаку («*гоняют христианъ*»), чего нельзя сказать ни про описания шведов, ни про описания немцев. Согласно Житийной повести, шведы намерены были «*пленить землю Александрову*», а тевтонские рыцари – «*укорить словеньский языкъ ниже себе*» [Бегунов, с. 188, 190]. При этом их поступки не были названы «*нуждой великой*» или «*бедой*» и про них не было сказано, что они стремятся к каким-либо насильственным действиям («*гонениям*») в отношении христиан. Между тем именно антихристианская направленность действий врагов в будущем станет главным мотивом описания военных сюжетов в русской книжности. В этом смысле рассказ о намерениях татар в Житийной повести об Александре Невском стилистически оказывается гораздо ближе этим поздним описаниям, чем повествования о намерениях врагов с Запада, католиков¹⁵.

Таким образом, анализ Повести «о житии и о храбрости» Александра Невского позволяет заключить, что описания боевых столкновений князя со шведами и немцами, а также рассказ о посольстве «от папы из великого Рима» не отражают намерений княжеского агиографа придать этим сюжетам ярко выраженный «антилатинский» оттенок. Это означает, что существующие в науке аргументы в пользу того, что изначально причиной прославления князя Александра Ярославича стали его подвиги по защите православной веры от экспансии католицизма, не представляются убедительными. Судя по всему, в период, когда создавалась Житийная повесть, отношения со шведами и немцами еще не определялись конфессиональными различиями. По наблюдениям П. В. Лукина, «новгородские летописи, которые в основном были написаны архиепископскими писцами, содержат мало религиозных оскорблений в адрес немецкого

¹⁴ Весьма показательно при этом, что НПЛ уделила описанию пребывания немцев в Пскове гораздо больше внимания, представив их действия в весьма неприглядном виде: «взяша Нѣмци Изборскъ; и выидоша пльсковичи вси, и бишася с ними, и побѣдиша я Нѣмци. Туже убиша Гаврила Горислалича воеводу; а пльсковичъ гоняче, много побиша, а инѣхъ руками изымаша. И пригонивше подь городъ, и зажгоша посадъ всъ; и много зла бысть: и погорѣша церкви и честныя иконы и книги и еуангелия; и много сель попустиша около Пльскова. И стояша подь городомъ недѣлю, но города не взяша; но дѣти поимаша у добрыхъ мужъ в тали, и отъидоша проче; и тако быша безъ мира: бяху бо перевѣтъ держаче с Нѣмци пльсковичи, и подъвели ихъ Твердило Иванковичъ съ инѣми, и самъ поча владѣти Пльсковомъ с Нѣмци, воюя села новгородская» [ПСРА, т. 3, с. 77]. Учитывая, что рассказ НПЛ является наиболее древним летописным свидетельством о событиях 1242 г., относящимся, по-видимому, ко времени жизни Александра Ярославича [Гиппиус, с. 8–12], а автор Житийной повести неоднократно ссылался на мнение «самовидцев», на то, что «слышах от отецъ своихъ», и даже сам себя называл «самовидцемъ възраста» князя, то есть должен был знать реальную картину бедствий, можно предположить, что в Житийной повести рассказ о пребывании немцев в Пскове им был сознательно смягчен.

¹⁵ Ср., например, молитву Александра Ярославича, описывающую намерения «кряля части Римския» в поздней, середины XVI в. «владимирской» (по В. Й. Мансикке) редакции Жития, вошедшей в состав Великий Четыхъ Миней («Владыко прещедрыи, слыша словеса грѣдаго варвара сего, похваляющася разорити вѣру святую православную и проляяти хотяща кровь христианскую»), с описанием намерений Мамая в рассказе о Куликовской битве, дошедшем в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи («въздвизается рать татарская на христианы... хотя плѣнити землю Русскую»), а также в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях («Окаанный же Мамай разгордѣвся, мнѣвъ себе аки царя, нача злый свѣтъ творити, темныя своа князи поганья звати, и рече имъ: “Пойдемъ на рускаго князя и на всю землю Рускую, якоже при Батыи было. Христианство потеряем, а церкви Божиа поपालимъ и кровь христианскую прольемъ, а законы ихъ погубимъ”») (см.: [Мансикка, с. 20 (второй пагинации); Памятники Куликовского цикла, с. 9, 30, 65]).

языка, если таковые вообще имеются» [Lukin, p. 127]. Еще более индифферентное отношение к католикам могло быть в Суздальской земле, где создавалась Житийная повесть об Александре Ярославиче. Не имея возможности с той же частотой и интенсивностью, что и новгородцы, контактировать с «немцами» и «свеями» и тем более участвовать в военных столкновениях с ними, жители Северо-Востока Руси вряд ли воспринимали их через призму конфессионального противостояния. Эти наблюдения соотносятся с выводом Б. Н. Флори о том, что «на древнерусской почве четкое, однозначно отрицательное отношение к латинскому миру фиксируется лишь в памятниках, созданных в XIV в.» [Флоря, с. 215]. В этот период восприятие католиков будет уже иным: их самих будут называть «погаными»: «поганные немцы», «поганая латина» (то есть поставят на одну ступень с язычниками)¹⁶, а их богослужение – «латыньским богумерзъким» [ПСРА, т. 3, с. 361] (то есть ‘богопротивным’, ‘нечестивым’, ‘отвратительным Богу’ [САРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 262; вып. 9, с. 98]) [Лаушкин 2019, с. 243–245].

«Побъжая, а не побѣдимъ»

Что же тогда дало основания для прославления великого князя, какие личные качества и поступки Александра Ярославича, с точки зрения его агиографа, были ключевыми? В самом начале Житийной повести ее автор выделяет несколько важных обстоятельств, касающихся князя.

Во-первых, подчеркивается, что «без Божия повелѣния не бѣ княжение его» [Бегунов, с. 187]¹⁷.

Во-вторых, автор дает понять, что Александр обладает полным набором черт идеального правителя. С этой целью в Житийной повести перечислены его добродетели, а сам князь сравнивается с героями библейской истории. Перечень этих персонажей, дополненный одним небиблейским правителем (римским императором Веспасианом), практически целиком повторяет список, упоминаемый в «Слове Даниила Заточника» в той его части, где перечисляются добродетели идеального князя.

Даниил Заточник, XII–XIII вв.	Житие Александра Невского
«Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову. И умножи, Господи, вся челоуѣкы под руку его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣкъ» [БЛДР, т. 4, с. 282].	«Но и взорѣ его паче инѣх челоуекѣ, и глас его – акы труба в народѣ, лице же его – акы лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его – часть от силы Самсоня, и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, храборѣство же его – акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую» [Бегунов, с. 187].

Судя по всему, из перечисленных достоинств именно *храбрость*, по мнению автора Житийной повести, была главным качеством Александра Ярославича. Само название анализируемого текста – «Повѣсти о житии и о *храбрости* благовѣрнаго и великаго князя Александра»

¹⁶ Так, в «Повести о Довмонте» (вторая четверть XIV в.) говорится о том, что князь Довмонт, подобно Александру Невскому, ходил в походы, «побеждая страны поганяны – Немець и Литву, Чюдь и Корелу» [БЛДР, т. 6, с. 58, 60, 62].

¹⁷ Доказательством этом служит то, что во время Невской битвы ему помогают святые «сродники» Борис и Глеб, а во время сражения на Чудском озере – «полк Божии на воздухе»: как писал по этому поводу А. И. Рогов, борьба Александра с немецкой агрессией расценивалась современниками и потомками «как борьба священная... война, которая не только благословляется свыше, но и в которой высшие силы сами принимают участие» [Рогов, с. 35].

(вариант – «о мужестве и житии» [Бегунов, с. 187; Мансика, с. 1 (второй пагинации)]) – говорит об этом более чем определенно [Конявская, с. 35].

В-третьих, отмечается, что Александр не просто храбр и удачлив в сражениях, но и «*побѣжая, а не побѣдимъ*», поэтому «не обрѣтется противникъ ему въ брани никогда же» [Бегунов, с. 187, 191], что подтверждают рассказы о победоносных сражениях князя, включенные в Житийную повесть «свидетельства» на этот счет одного из предводителей рыцарей по имени Андreas, а также монгольского хана¹⁸.

«Слово Даниила Заточника» дает четкое представление о том, что одним из эталонов храбрости в период XII–XIII вв. считался Александр Македонский [Вилкул 2005]. Несмотря на то, что в Житийной повести храбрость Александра Невского сравнивается с храбростью императора Веспасиана¹⁹, тем не менее, сопоставление с македонским царем в тексте присутствует. Речь идет о финальной части произведения, в которой описывается горе людей по поводу кончины святого. «О горѣ тобѣ, бѣднѣй человеце! Како можеша написати кончину господина своего! ... *аще бы лъзъ, и въ гробъ бы лъзъ с ним!*» – восклицает автор Жития. При этом в уста митрополита Кирилла вкладывается фраза, призванная подчеркнуть масштаб личности великого князя: «*Чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!*» ... Иерѣи и диаконы, черноризци, нищии и богатии, и вси людие глаголааху: “*Уже погыбаем!*”» [Бегунов, с. 194]. В свое время И. Н. Данилевский предположил, что фраза, вложенная в уста митрополита Кирилла, – это скрытая цитата из пророческих книг, уточнив при этом, что «самой близкой параллелью к приведенному тексту» является фрагмент из Откровения Мефодия Патарского. Исходя из этого, исследователь пришел к выводу, что «кончина Александра ассоциировалась у агиографа с наступлением последних времен», «явно не сулила ничего хорошего Русской земле», была «чревата для земли Суздальской прекращением Божиих милостей, утратой слова Господня и, возможно, даже Концом Света» (Иер 15: 6–9; Ам 8: 8, а также Откровение Мефодия Патарского; [Данилевский 2001, с. 181–182]). Есть основания полагать, что подобная трактовка не вполне обоснованна. Прежде всего, потому что в процитированных местах пророческих книг, на которые ссылается исследователь, речь идет о «солнце, закатившемся днем», то есть с нарушением природного цикла смены дня и ночи («*еще днем закатилось солнце ее*», «*произведу закат солнца в полдень*», «*днесь заиде полуденное солнце*»), тогда как в Житийной повести речь идет о совсем другом образе – о заходе «солнца земли», то есть о смерти правителя («*уже заиде солнце земли Суздальской!*»)²⁰. При этом не анализировалось обстоятельство, имеющее принципиальное значение для реконструкции образа Александра Невского, созданного его агиографом, а именно, зависимость Житийной повести от рассказа о жизни и деяниях Александра Македонского²¹. Само имя князя порождало такого рода параллели: в начале XIII в. имя Александр было весьма редким в княжеской среде, оно неизбежно напоминало

¹⁸ «Мужество» князя отмечает предводитель шведов («слышавъ король части Римьскыя от Полунощныя страны таковое мужество князя Александра» [Бегунов, с. 188]). Согласно Житийной повести, «царь силенъ на Всточнѣй странѣ, ему же бѣ Богъ покорилъ языки многы, от вѣстока даже и до запада ... слышавъ Олександра тако славна и храбра, посла к нему послы ...» (см.: [Бегунов, с. 192]).

¹⁹ В русской переводной литературе более позднего времени встречаются в том числе и весьма лесные характеристики римских императоров. Например, сына Веспасиана императора Тита: «Дивныи же Титъ философ и доброязычникъ, воиникъ купно, и кротокъ зѣло сый, благотворениемъ многимъ, цѣломудриемъ же и правдою украшенъ» (см.: [Летописец, с. 245]); «По Боуспасіане пріать царство Титъ, добродѣтельный и кроткый моужь и даролюбивый, раздовая имѣнія и власти, достоинъ по достоинству и господству»; кроме того, Тит также назван «храбросердым» (см.: [ПСРА, т. 22, ч. 1, с. 245, 253]). Благодарю Т. А. Матасову, обратившую мое внимание на эти чтения.

²⁰ О сравнении правителей с солнцем в более поздний период см. подробнее: [Пчелов].

²¹ На то, что автор Житийной повести сопоставляет «своего героя с македонским царем по «храбрости», «дерзости», «непобедимости», в свое время обратил внимание еще Н. И. Серебрянский (см. подробнее: [Серебрянский, с. 184–186 (первой пагинации)]).

о знаменитом полководце [Литвина, Успенский, с. 465; Молчанов, с. 103]. В. Й. Мансикка первым обратил внимание на текстуальную и смысловую близость слов, вложенных в уста митрополита Кирилла, с читающимися в Ипатьевской летописи (далее – Ипат.) панегириками двум другим князьям – Мстиславу Ростиславичу под 6686 (1178) г. и Владимиру Васильковичу под 6796 (1288) г. [Мансикка, с. 40–41 (первой пагинации); Лихачев, с. 260].

Панегирик Мстиславу Ростиславичу, Ипат. под 6686 (1178) г.	Панегирик Владимиру Васильковичу, Ипат. под 6796 (1288) г.	Хронографическая Александрия, I и II редакции
«Наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи Новгородѣстѣи... “Добро бы ны, господине, с тобою умрети створшему толикую свободу Новгородѣцемь от поганыхъ, якоже и дѣдъ твой Всеволодъ свободил ны бяше от всѣхъ обидъ... Нынѣ же, господине, уже к тому не можемъ тебѣ узрѣти, уже бо солнце наше заиде ны, и во обидѣ всимъ остахомъ”. И тако плакавшесе над нимъ все множество Новгородѣское» [ПСРА, т. 2, стб. 610].	«Провожаше наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи володимерѣстии, рекуче: “Добрый ны господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшетъ от всихъ обидъ, ты же бяше, господине, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего. Нынѣ же, господине, уже к тому не можемъ тебе зрѣти, уже бо солнце наше заиде ны, и во обидѣ всѣхъ остахомъ”» [ПСРА, т. 2, стб. 920].	«На добро убо, Александре царю, Филипъ, отецъ твои, владѣль есть, на добро же и ты, царю. Ту убо прѣдваряеши нас. Добре же быс и намъ с тобою умрѣти створшему Макидонъ великую свободу»; «Александръ м(с)ца генваря на новъ м(с)цъ, въсходящую слнцю, кончяжесе априля м(с)ца на новъ м(с)цъ, заходящую слнцю» [Истрин, с. 103, 105, 240, 242].

В обоих случаях речь шла о желании дружины («лѣпшии моужи») умереть вместе со своим господином и о сравнении умерших правителей с «зашедшим солнцем»: «Добро бы ны, господине, с тобою умрети створшему толикую свободу», «не можемъ тебѣ узрѣти, уже бо солнце наше заиде». Д. С. Лихачев в свое время установил, что источником панегирика Мстиславу Ростиславичу (а через него – и Владимиру Васильковичу) являлся переводной компилятивный хронограф, включавший в себя Александрию, «Повесть о взятии Иерусалима» Иосифа Флавия и ряд других текстов [Лихачев, с. 260–266; Вилкул 2019, с. 270–271; Стависский, с. 254]. К источнику такого же типа, судя по всему, восходило и сравнение Александра Невского с зашедшим солнцем ([Вилкул 2005, с. 14]; ср.: [Горский 2024, с. 25])²².

Между тем в Житийной повести князь Александр Ярославич назван не просто «зашедшим солнцем», а «солнцем земли Суздальской». Близкую параллель к такому сравнению находим в плаче Роксаны, вдовы Александра Македонского, по умершем муже. Этот эпизод содержится в более поздней по времени так называемой Сербской Александрии, известной в русской письменности с XV в. [Ботвинник, с. 66].

²² Важно, что этот фрагмент читается как в первой, так и во второй (по В. М. Истрину) хронографических редакциях Александрии, что свидетельствует о древности указанных чтений (см.: [Истрин, с. 103, 105, 240, 242]).

Житийная повесть об Александре Невском	Сербская Александрия
«Митрополит же Кириль глаголаше: “Чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!” Иерѣи и диаconi, черноризци, нищии и богати, и вси людие глаголааху: “Уже погыбаемь!”» [Бегунов, с. 194].	«О Александре, всего света царю и храбры господине, премудрый во чловецех, не зриши ли мене, поне в чюжей земли оставил мя еси, а сам, яко солнце, с солнцем под землю зашел еси! ...Александре, всего мира царю, Макидонское солнце, луче ми есть zde с тобою умрети, а от тебе разлучитися не могу”. И се рекши, мечь Александров взем и на нь налегши, живот свой сконча царица Роксана, умре» [Александрия, с. 71].

Могло ли это повествование об Александре Македонском стать источником и для Житийной повести? Напрямую, судя по всему, нет: позднее происхождение Сербской Александрии не позволяет делать подобные предположения. Я. С. Лурье, опубликовавший Сербскую Александрию по самому раннему из дошедших древнерусскому списку конца XV в. (ОР РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 11/1088), полагал, что «самоубийство Роксаны не упоминается ни у Псевдокаллисфена, ни в каких-либо иных сказаниях об Александре, кроме сербской Александрии» [Лурье, с. 147, 255]²³. Однако, вопреки мнению исследователя, рассказ о Роксане сохранился не только в Сербской, но и в близкой к ней, но возникшей существенно раньше так называемой среднегреческой Александрии, восходящей к той же редакции ε, к которой восходит и Сербская Александрия [Ботвинник, с. 62–64]. В среднегреческой Александрии, по сравнению с ее источником – редакцией ε, некоторые темы получили существенное развитие. Как отмечала Н. М. Ботвинник, «более важное место, чем в редакции ε, в среднегреческом Романае отводится любовной теме. Самоубийство Роксаны после смерти ее мужа Александра – одно из нововведений средневекового автора»²⁴. Создание среднегреческой переработки Александрии большинство исследователей датируют XII–XIII вв. [Ботвинник, с. 63–65]. В ряде вариантов среднегреческой редакции обращение Роксаны к умершему мужу читается немного иначе, чем в Сербской Александрии: «О, Александр, царь Македонцев, солнце, лучшее из того, что у меня есть сегодня, это умереть вместе с тобой...»²⁵. Не исключено, что именно из этой версии и мог возникнуть немного модифицированный перевод, отразившийся в Сербской Александрии: «Александре... царю, макидонское солнце». По крайней мере, в одном из списков Сербской Александрии (рукопись конца XV – XVI в. из Народной библиотеки в Белграде) встречается вариант, который вполне можно считать «переходным» от среднегреческого чтения к чтению Сербской Александрии: «Алексе́ндре, македо́ниискийи

²³ «Македонским солнцем» назван Александр в плаче Роксаны и в сербских вариантах текста [Život, s. 126–127; Приповетка, с. 149–150].

²⁴ «Со значительной долей вероятности можно утверждать, что существовала еще одна, не дошедшая до нас древнегреческая редакция, восходящая к ε и послужившая общим источником для среднегреческого и славянского перевода» [Ботвинник, с. 66–67].

²⁵ «Ἀλέξανδρε, βασιλέα τῶν Μακεδόνων, ἦλιε, κάλλιον τὸ ἔχω τὴν σήμερον ἡμέραν μετὰ σένα νὰ ἀποθάνω, περὶ νὰ γενῶ γυνὴ ἀλλοιοῦ ἀνδρός· ἀμὴ οὐδὲν ἤμπορῶ ἀπὸ τὴν ἀγάπην σου νὰ χωριστῶ, αὐθέντη μου» (см.: [Веселовский, с. 64 (второй пагинации)]). А. Н. Веселовский опубликовал текст Венской (V) рукописи XVI в. Аналогичные чтения содержатся во Флорентийской (F) 1521 г. («Ἰ Αλέξανδρε βασιλέα τῶν Μακεδόνων ἦλιε, κάλλιον τὸ ἔχω τὴν σήμερον ἡμέρα μετὰ σένα νὰ ἀποθάνω ὅτι οὐδὲν ἤμπορῶ ἀπὸ τὴν ἀγάπην σου νὰ χωριστῶ ἀπ’ ἐσένα, αὐθέντη μου») и Итонской (E) XVI в. рукописях («Ἀλέξανδρε βασιλέα τῶν Μακεδόνων, ἦλιε, ἄν μοῦ ἔνι τὴν σήμερον ἡμέραν μετ’ ἐσένα νὰ ἀποθάνω, οὐδὲν ἤμπο ρῶ νὰ χωρισθῶ ἀπ’ ἐσένα») (см.: Recensio F: (cod. Flor. Laurentianus Ashburn 1444), Ps.-Kallisthenes. Zwei mittelgriechische Prosa-Fassungen des Alexanderromans [Beiträge, 128.3.1-11]; Recensio E: (cod. Eton College 163). Ps.-Kallisthenes. Zwei mittelgriechische Prosa-Fassungen des Alexanderromans [Beiträge, 128.3.2-9] (нумерации стихов в обеих рукописях и сам текст приводится нами по базе TLG). Пользуясь случаем, благодарю с.н.с. Института языкознания РАН к.ф.н. А. А. Евдокимову за помощь в переводе текстов. В настоящее время известны восемь рукописей прозаического среднегреческого Романа об Александре Македонском, из них изданы пять [Ботвинник, с. 63–65].

царю, македонско сльн'це!» [Приповетка, с. 150]. И хотя «сложные и не до конца решенные вопросы датировки рукописей среднегреческой биографии Александра», а также проблемы их соотношения между собой еще ждут своего исследования, можно предположить, что агиограф Александра Ярославича стремился подчеркнуть сходство своего героя, святого благоверного князя, с «эталоном храбрости» того времени – царем Александром Македонским. В более поздней книжной традиции эта параллель только усиливалась. Об этом свидетельствует, например, хронологический расчет, содержащийся в Псковской первой летописи, в котором Александр Ярославич, вопреки традиционному титулованию, назван «царем»: «В лѣто 6749. Взя князь Александръ городокъ Копорию, а Нѣмецъ изби. А на другое лѣто ходилъ князь Александръ с муж новгородцы, и бишася на леду с Нѣмцами. От числа Руския земли до смерти царя Александра и до оубития князя литовского Миндовга лѣт 6...» [Псковские летописи, с. 13]. А в Житийной повести об Александре Невском, помещенной в Софийской первой летописи, князь и вовсе охарактеризован как тезоименитый царю Александру Македонскому (имени которого, разумеется, не могло быть в святцах), а также назван «подобником» храброму Ахиллосу: «О велицѣмъ князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичи, о умномъ и о крѣпкосмысленномъ, о храбромъ тезоименитнаго ц(а)ря Александра Макидоньскаго, подобник ц(а)рю Алехвысу, крѣпкому и храброму» [ПСРЛ, т. 6, вып. 1, стб. 303] (см.: [Литвина, Успенский, с. 465]). И здесь, как видим, маркирующим признаком сходства оказывалась храбрость обоих Александров. О том, что храбрость Александра Ярославича, с точки зрения его ближайших потомков, была одним из важнейших его качеств, свидетельствует и запись в статье «А се князи русьстии» Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода, в которой победитель шведов впервые был назван «Невским»: «Александръ великий, храбрыи, невський» ([ПСРЛ, т. 3, с. 465, 468, 471]; см.: [Горский 2020, с. 19; Сиренов, с. 186; Линд, с. 49, 53, примеч. 22]).

Поздние памятники свидетельствуют о том, что часто эти два определения – «Невский» и «храбрый» – применялись к князю Александру Ярославичу одновременно [ПСРЛ, т. 29, с. 89; Послания, с. 9]. В одной из поздних редакций Жития автору пришлось даже уточнять, что «сей же князь не едином храборством показан бысть от Бога, но и боголюбцем показася» [Серебрянский, с. 122 (второй пагинации)], что, по мнению А. И. Рогова, свидетельствовало о том, что «определяющее значение для автора имело именно “храборство”» [Рогов, с. 36].

Контекст прославления

Однако разве могли храбрость, непобедимость и заступничество свыше стать достаточным основанием для прославления князя? Для ответа на этот вопрос необходимо реконструировать контекст, в котором проистекала земная жизнь Александра Ярославича и создавалась Житийная повесть о нем.

Крупнейшим событием того времени, несомненно, стало нашествие Батыя на русские земли. Ранние рассказы о нем сохранились в трех русских летописных источниках – Лавр., НПЛ и Ипат. В общей сложности за период с декабря 1236 по 1241 г. (включительно) в этих летописях так или иначе поименно названы 38 князей. Анализ действий упомянутых в источниках правителей русских земель позволяет предположить, что из общего числа князей, которых мы знаем по именам, примерно треть погибли или, скорее всего, погибли (13, или 34 %), незначительное число (6, или 16 %) в момент нашествия находились на безопасном расстоянии от татар, остальные же (почти половина от общего числа!) либо точно бежали, либо сделали это с большой долей вероятности (18, или 47 %) [Рудаков, 2023а, с. 8–15]²⁶.

²⁶ В этой работе не был учтен князь Ярослав Владимирович, находившийся в момент нашествия в безопасном месте [Бегунов, Клейненберг, Шаскольский, с. 219–224; Домбровский, с. 600–666]. Один из князей, возможно, попал в плен [ПСРЛ, т. 1, с. 473] (см.: [Воротынцев, с. 738–744]).

При этом даже о некоторых из тех 10 князей, о гибели которых мы точно знаем из источников, невозможно сказать, что они пали героической смертью в борьбе с врагом (так, например, не выглядит героическим поведение великого князя Юрия Всеволодовича в изображении НПЛ [Рудаков, 2023а, с. 5–8] или его сыновей – в изображении той же НПЛ, а также Ипат. и Лавр.) (см. подробнее: [Рудаков 1998]). И если некоторых правителей русских земель того времени еще можно было бы назвать «храбрыми» (например, рязанского князя Романа Ингваревича и черниговского князя Мстислава Глебовича, которые, судя по очень отрывочным летописным данным, все-таки попытались оказать сопротивление татарам под Коломной и Черниговом соответственно [ПСРА, т. 2, стб. 782; т. 3, с. 75]) [Кучкин 2020, с. 14–15; Рудаков, 2023б, с. 66–82], то уж точно никого из них нельзя было назвать «непобедимыми». В этом смысле прав Н. М. Карамзин, писавший, что «во дни общих бедствий России возникла слава Александрова» [Карамзин, с. 17]. Поражение, равного которому еще не было, самым серьезным образом осмысливалось – и современниками, и ближайшими потомками, что нашло отражение в целом ряде древнерусских текстов. Главный тезис, выдвинутый в качестве объяснения произошедшей катастрофы, заключался в том, что Русская земля оказалась наказана за грехи, а татары лишь выступили в роли «карающего меча» (см.: [Рудаков 2017, с. 58–85; Лаушкин 2019, с. 93–112]). В рамках этого восприятия одним из проявлений «казней Господних» стала невозможность князей и воевод защитить родную землю от врагов: нашествие изображалось как кара Господня, которой невозможно противиться, поскольку невозможно идти наперекор Божьему гневу. Об этом шла речь в летописных рассказах о нашествии Батыя: «но уже быше Божью гнѣву не противитися, яко речено бысть дрѣвле Исусу Наугину богомь; егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: азъ пошлю на ня преже васъ недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепеть. Такоже и преже сихъ *отѣя господь у насъ силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в нас за грѣхы наша*» [ПСРА, т. 3, с. 75]; «и бѣ видѣти страх и трепеть, яко на христѣянскѣ родѣ *страх*, и колѣбанье, и бѣда упространися» [ПСРА, т. 1, стб. 464]. Следствием «страха и трепета» стала в том числе неготовность противостоятъ нашествию, бегство: «...тогда же бѣ пополохъ²⁷ золь по всей земли, и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжитъ» [ПСРА, т. 1, стб. 470]; «слышавше же се иже бяху ся *разбѣгли на чюжи земли, и взвратишася князи и вси людие на свои земли, что ихъ избыло ся*» [Серебрянский, с. 55 (второй пагинации)]. Про «множество бѣжащих от безбожных татаръ», встреченных по дороге из Венгрии князем Даниилом Галицким, сообщала южнорусская Ипатьевская летопись [ПСРА, т. 2, стб. 787]. Точно так же вели себя, судя по всему, москвичи, о действиях которых в момент нашествия Батыя есть краткое упоминание в новгородской летописи: «Москвичи же *побѣгоша*, ничего же не видѣвше»²⁸. Среди тех, кто бежал, были в том числе сильнейшие князья того времени: Михаил Черниговский с сыном («Михаилу же бѣжавшю во Угры, инии же бѣжаша в земли дальни» [ПСРА, т. 2, стб. 782–784]), Даниил Галицкий с братом и сыном [ПСРА, т. 2, стб. 787], о бегстве правившего во Владимире великого князя Юрия Всеволодовича сообщала НПЛ [ПСРА, т. 3, с. 75–76]. Про бегство князей (и не только) перед лицом татар говорилось и в Поучениях владимирского епископа Серапиона (1270-е гг.), который точно указывал причину такого поведения: «князии нашихъ, воеводѣ *крѣпость ищезе, храбрии наша, страха наполюньшеся, бѣжаша*» [Петухов, с. 8 (второй пагинации)]²⁹. При этом из контекста Поучений следовало, что речь шла не о страхе перед татарами как таковыми (хотя и он, разумеется, имел место) – Серапион

²⁷ 'Тревога', 'смятение', 'переполох' [СЛРЯ XI–XVII вв., вып. 17, с. 94].

²⁸ Текст восстанавливается на основе НПЛ младшего извода, однако в НПЛ старшего извода он тоже был, но там слово «побѣгоша» было выскоблено (см.: [ПСРА, т. 3, с. 75, 287]).

²⁹ Косвенно о бегстве паствы в годы нашествия (как о «рассеянии людей по земле») упоминается и в «Правиле» митрополита Кирилла 1274 г. ([Правило, стб. 86]; см.: [Лаушкин 2002]).

имел в виду страх перед карой Господней, ниспосланной во исправление человеческих грехов [Рудаков 2017, с. 86–88]. На таком историческом фоне, в период «крайней, свинцово-мрачной безнадежности и бесцельности, когда правители как будто утратили всякие ориентиры» [Феннел, с. 208], личная храбрость и военные успехи князя Александра выглядели как исключительный случай. По подсчетам А. Н. Кирпичникова, «за свою недолгую жизнь князь Александр Ярославич, судя по письменным источникам, провел не меньше 12 битв и военных операций со шведами, немцами, Литвой и во всех добился успеха» [Кирпичников, с. 29]. Таким образом, если прочие русские князья терпели поражения или даже бежали от врага, то Александр шел в бой и побеждал, если другие правители испытывали страх перед карой Господней в лице своих врагов, то Александра – самого боялись («и бысть грозенъ приездъ его, и промчесья вѣсть его и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуще: “Олександро князь едет!”» [Бегунов, с. 192]), при этом Господь выступал на его стороне.

Странное, на первый взгляд, сопоставление в Житийной повести благоверного князя с римским императором Веспасианом (тогда как с Александром Македонским – лишь косвенно, при помощи узнаваемых цитат, но не напрямую), вполне возможно, как раз и было призвано подчеркнуть уникальность «казуса» Александра Невского. Во-первых, в «Повести о взятии Иерусалима» про императора Веспасиана было сказано, что «*мужество его не человеческое, но от Бога бываето*», и эта мысль, несомненно, ложилась в логику прославления Александра Невского. А во-вторых, указание на то, что Александр Ярославич, как и Веспасиан, «*побѣжая, а не побѣдимъ*», в тексте Житийной повести было снабжено весьма развернутым рассказом об одном из случаев, произошедших с римским полководцем, несколько разрывающем ткань повествования. Тем не менее, судя по всему, этот сюжет, по мнению книжника, также имел прямое отношение к качествам великого князя: «... храбрѣство же его – акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣгде исполчися къ граду Асафату приступити, и ишедше гражане, побѣдиша плѣкъ его. И *остася единъ*, и вѣзврати к граду силу ихъ, къ вратом граднымъ, и *посмѣяся дружинѣ своей, и укори я*, рекъ: “*Остависте мя единого*”. Тако же и князь Александръ – *побѣжая, а не побѣдимъ*» [Бегунов, с. 187]³⁰. То есть автор Житийной повести дважды напомнил читателям, что Веспасиан остался один среди врагов («*остася единъ*», «*остависте мя единого*»), сопоставив его в этом смысле с Александром Ярославичем. Причем в тексте Иосифа Флавия не только рассказывалось о бегстве воинов Веспасиана («*оставивше его, бѣжаша*»), но и о том, что он сам подумывал о бегстве, но пришел к выводу, что такой шаг недостойн его («*думаше бѣжати, но пакы мняше, яко нетвердо ему, ни подобно бѣгание*»; «*подобаетъ намъ мужскы терпѣти обычаи*») ([Мещерский, с. 321–322]; ср.: [История Иудейской войны, с. 238]).

Таким образом, анализ Житийной повести позволяет сделать вывод, согласно которому вовсе не «противостояние католической экспансии», как это часто трактуется в историографии, стало главным мотивом прославления святого благоверного князя Александра Невского. На первом месте перед агиографом стояла задача засвидетельствовать исключительную («*остася единъ*») храбрость Александра Ярославича, а также оказываемую князю помощь свыше, благодаря которой он и стал «*побѣжая, а не побѣдимъ*». Судя по всему, непобедимость князя воспринималась не просто как проявление его богоизбранности, но и как признак того, что Русская земля, несмотря на все обрушившиеся на нее беды, не навсегда лишилась Божьего

³⁰ Автор Повести об Александре Невском перепутал два отдельных события: осаду «Асафаты» (или «Аупаты», то есть Йоапаты), где Веспасиан, согласно Иосифу Флавию, не совершал ничего из ряда вон выходящего, и штурм Гамалы, во время которого император действительно проявил «храбрѣство», о котором шла речь в Житийной повести [Мансика, с. 27–28 (первой пагинации)].

заступничества, коль скоро в ней прославился своей храбростью и победами правитель, про которого можно было сказать: «без Божия повеления не бѣ княжение его» [Бегунов, с. 187].

Источники

- Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.; Л., 1966. 269 с., 9 л. ил.
- БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. 685, [2] с.; Т. 6: XIV – середина XV века. СПб., 1999. 583 с.
- Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. СПб., 1886. Вып. 1: Греко-византийский период. [4], 511, [3], 80 с.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев [и др.]; Под ред. С. Н. Валка. М., 1949. 408 с. История Иудейской войны – «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. М., 2004. Т. 1. 880 с.
- Истрин В. М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. VIII, 362, II, 356 с.
- Летописец – Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. 510, [2] с.
- Матузова В. И., Назарова Е. А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. 447 с.
- Мещерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. 578 с., 4 л. ил.
- Памятники Куликовского цикла – Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. 410, [2] с.
- Памятники русского права – Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. А. А. Зимин. 442 с.
- Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. 284 с. разд. паг.
- Повесть – Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; [Доп. М. Б. Свердлова]. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. 667, [1] с.
- Послания – Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; Пер. [с древнерус.] и коммент. Я. С. Лурье; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. 716 с., 17 л. ил.
- Правило – Правило Кюрила, митрополита роуськаго, сошедшихся епископов: Далмата новгородского, Игнатя ростовского, Феогноста переяславского, Симеона полотского, на поставление епископа Серапиона володимирского // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 83–102.
- Приповетка – Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878. LVIII, 150 с.
- Псковские летописи – Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. LXIV, 148 с.
- ПСРА – Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. 496 с.; М., 1998. Т. 2. 648 с.; М., 2000. Т. 3. XI, 692 с., [5] л. ил.; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. VIII, 581 с.; СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. 580 с.; М., 1965. Т. 29. 390 с.
- СЛРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.
- Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3. [4] с., 1684, 272 стб., 13 с.
- Beiträge – Beiträge zur klassischen Philologie 150. Meisenheim am Glan, 1983. Vol. 2 / Ed. Konstantinopoulos. 328 S.
- Život – Život Alexandra Velikoga / Izdao V. Jagič, Zagreb, 1871. 129 s.

Литература

- Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. [1], XIX, [2], 162, 16 с.
- Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. 231 с., 4 л. ил., карт.
- Бегунов Ю. К., Клейнбергер И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище. Обзор источников, повествующих о битве на Чудском озере // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966. С. 169–240.
- Ботвинник Н. М. «Роман об Александре». Рукописная традиция и история изучения текста // Деяния царя Александра. Уникальный памятник средневековой торевики из села Мужы Ямало-Ненецкого автономного округа: Материалы коллоквиума, проведенного Санкт-Петербургским Обществом византино-славянских исследований 10–12 сентября 1998 г. СПб., 2003. (Византинороссика; 2). С. 49–67.

- Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. 446, [2] с.
- Вилкул 2005 – Вилкул Т. А. Мстислав Храбрый – к происхождению эпитета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 14.
- Вилкул 2019 – Вилкул Т. А. Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019. 459, [3] с.
- Воротынцева Л. В. «Ордынский плен» рязанского князя Олега Ингваревича Красного (1238–1258 гг.): от историографического мифа к историческим реалиям // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 733–748. DOI 10.22378/2313-6197.2021-9-4.733-748
- Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Горский 2018 – Горский А. А. «Бещисленныя рати и великия труды...» Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. 409 с.
- Горский 2020 – Горский А. А. О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 7–26.
- Горский 2021 – Горский А. А. Долгосрочные последствия деятельности Александра Невского // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 22–30.
- Горский 2024 – Горский А. А. Князья и княгини Русского Средневековья. Исторические последствия малоизвестных событий. М., 2024. 199 с.
- Данилевский 2001 – Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Курс лекций. М., 2001. 387, [2] с.
- Данилевский 2005 – Данилевский И. Н. Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // Цепь времен. Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 119–132.
- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). Изд. испр. и доп. СПб., 2015. 879 с. Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. 254, [2] с.
- Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. 110 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. 477, [1] с.
- Кирпичников А. Н. Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции, 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1996. С. 29–41.
- Ключевский В. О. Pro et contra. СПб., 2013. 950 с.
- Конявская Е. А. Образ Александра Невского в Житии и ранних летописях // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 31–41.
- Костромин К., прот. Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 124–130. DOI 10.24411/2618-9674-2020-10010
- Кудрявцев О. Ф. Александр Невский и католический Запад // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 79–87.
- Кучкин 1990 – Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 15–69.
- Кучкин 1996 – Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33.
- Кучкин 2020 – Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3–30. DOI 10.31857/S086956870010767-4
- Лаушкин 2002 – Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 211–224.
- Лаушкин 2019 – Лаушкин А. В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. 297 с.
- Линд Д. Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 44–54.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. 740 с.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499 с.

- Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 145–168.
- Майоров А., Руденкова И. Посланники папы Иннокентия IV к Александру Невскому: загадки биографической истории // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 3. С. 931–949. DOI 10.15826/qr.2023.3.827
- Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства; Т. 180). VI, 226, 12–137 с.
- Молчанов А. А. Александр: знаковое имя в династической и культурной традиции // *Именослов*. Заметки об исторической семантике имени. М., 2003. С. 103–111.
- Назаренко А. В. Александр Ярославич Невский // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 541–544.
- Назарова Е. Л. Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // *Восточная Европа в исторической ретроспективе*. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 190–201.
- Пашуто 1956 – Пашуто В. Г. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956. 279 с., 2 отд. л. карт.
- Пашуто 1968 – Пашуто В. Г. Внешняя политика Древней Руси. М.; Л., 1968. 472 с., 1 л. карт.
- Пашуто 1974 – Пашуто В. Г. Александр Невский. М., 1974. (Жизнь замечательных людей; Вып. 10 (542)). 160 с., 1 л. портр.
- Поспелов Е. М. Географические названия России. Топонимический словарь. М., 2008. 523, [2] с.
- Пчелов Е. В. Солнце как символ монарха в русской культуре второй половины XVIII в. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2024. Т. 15. Вып. 7 (141). URL: <https://history.jes.su/s207987840032142-5-1/>. DOI 10.18254/S207987840032142-5
- Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. 283 с.
- Рогов А. И. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 32–58.
- Рудаков 1998 – Рудаков В. Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // *Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации*. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998. С. 191–193.
- Рудаков 2017 – Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников. 3-е изд. доп. и испр. М., 2017. 268, [3] с., [4] л. цв. ил.
- Рудаков 2023а – Рудаков В. Н. События на реке Сити (1238) в контексте поведения правителей русских земель в годы нашествия Батые // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 3–26. DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-3-26
- Рудаков 2023б – Рудаков В. Н. Память о двух сражениях эпохи Батыева нашествия // *Исторический вестник*. 2023. Т. 45. С. 66–87. DOI 10.35549/HR.2023.2023.45.003
- Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Обзоры редакций и тексты. М., 1915. 494 с. разд. паг.
- Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. 410, 4 с.
- Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // *Петербургский исторический журнал*. 2017. № 2. С. 184–193.
- Смирнов С. И. Исследование В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» // *ЧОИДР*. 1914. Кн. 1 (248). С. 53–71.
- Соловьев С. М. Сочинения: В 18 книгах. М., 1988. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. 765 с.
- Ставиский В. И. Киевская летопись и Хронограф // *Ruthenica*. Киев, 2019. Т. 15. С. 250–264.
- Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. 268, [3] с.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М., 1989. 291, [1] с., [20] л. ил.
- Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2017. 221, [1] с.
- Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. 206 с.
- Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И. Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М., 1989. С. 5–32.
- Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. 245 с.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. 589 с., [16] л. ил., портр., факс.

Lukin P. V. German Merchants in Novgorod: Hospitality and Hostility, Twelfth–Fifteenth Centuries // *Baltic Hospitality from the Middle Ages to the Twentieth Century*. Cham, 2022. P. 117–142.

References

Barsov, E. V. Slovo o polku Igoreve kak khudozhestvennyi pamyatnik Kievskoi družhinnoi Rusi. Moscow, 1887. Vol. 1. [1], XIX, [2], 162, 16 p. (In Russ.)

Begunov, Yu. K. Pamyatnik russkoi literatury XIII veka “Slovo o pogibeli russkoi zemli”. Moscow; Leningrad, 1965. 231 p., 4 l. of il., maps. (In Russ.)

Begunov, Yu. K., Kleinenberg, I. E., Shaskol'skii, I. P. Pis'mennye istochniki o Ledovom poboishche. Obzor istochnikov, povestvuyushchikh o bitve na Chudskom ozere. In *Ledovoe poboishche 1242 g. Trudy kompleksnoi ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha*. Moscow; Leningrad, 1966. Pp. 169–240. (In Russ.)

Botvinnik, N. M. “Roman ob Aleksandre”. Rukopisnaya traditsiya i istoriya izucheniya teksta. In *Deyaniya tsarya Aleksandra. Unikal'nyi pamyatnik srednevekovoi torevtiki iz sela Muzhi Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: Materialy kollokviuma, provedennogo Sankt-Peterburgskim Obshchestvom vizantino-slavyanskikh issledovaniy 10–12 sentyabrya 1998 g.* Saint Petersburg, 2003. (Vizantinorossika; 2). Pp. 49–67. (In Russ.)

Danilevskii, I. N. Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.). Kurs lektsii. Moscow, 2001. 387, [2] p. (In Russ.)

Danilevskii, I. N. Aleksandr Nevskii: Paradoksy istoricheskoi pamyati. In *Tsep' vremen. Problemy istoricheskogo soznaniya*. Moscow, 2005. Pp. 119–132. (In Russ.)

Dombrovskii, D. Genealogiya Mstislavichei. Pervye pokoleniya (do nachala XIV v.). Edition, revised and expanded. Saint Petersburg, 2015. 879 p. (In Russ.)

Drevnerusskaya literatura. Vospriyatie Zapada v XI–XIV vv. Moscow, 1996. 254, [2] p. (In Russ.)

Fedotov, G. P. Svyatye Drevnei Rusi. Moscow, 1990. 268, [3] p. (In Russ.)

Fennel, Dzh. Krizis srednevekovoi Rusi: 1200–1304. Moscow, 1989. 291, [1] p., [20] l. of il. (In Russ.)

Florya, B. N. U istokov religioznogo raskola slavyanskogo mira (XIII v.). Saint Petersburg, 2017. 221, [1] p. (In Russ.)

Gippius, A. A. K istorii slozheniya teksta Novgorodskoi pervoi letopisi. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Saint Petersburg, 1997. Iss. 6 (16). Pp. 3–72. (In Russ.)

Gorskii, A. A. “Beshchislenyya rati i velikiya trudy...” Problemy russkoi istorii X–XV vv. Saint Petersburg, 2018. 409 p. (In Russ.)

Gorskii, A. A. O vremeni poyavleniya prozvizhch u knyazei russkogo Srednevekov'ya. In *Srednekovaya Rus'*. Moscow, 2020. Iss. 14. Pp. 7–26. (In Russ.)

Gorskii, A. A. Dolgosrochnye posledstviya deyatel'nosti Aleksandra Nevskogo. In *Aleksandr Nevskii. Lichnost'. Epokha. Istoricheskaya pamyat'. K 800-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, 2021. Oo. 22–30. (In Russ.)

Gorskii, A. A. Knyaz'ya i knyagini Russkogo Srednevekov'ya. Istoricheskie posledstviya maloizvestnykh sobytii. Moscow, 2024. 199 p. (In Russ.)

Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Moscow, 1992. Vol. 4. 477, [1] p. (In Russ.)

Khoroshev, A. S. Politicheskaya istoriya russkoi kanonizatsii (XI–XVI vv.). Moscow, 1986. 206 p. (In Russ.)

Khoroshkevich, A. L., Pliguzov, A. I. Rus' XIII stoletiya v knige Dzh. Fennela. In *Fennel, Dzh. Krizis srednevekovoi Rusi: 1200–1304*. Moscow, 1989. Pp. 5–32. (In Russ.)

Kirpichnikov, A. N. Dve velikikh bitvy Aleksandra Nevskogo. In *Aleksandr Nevskii i istoriya Rossii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, 26–28 sentyabrya 1995 g.* Novgorod, 1996. Pp. 29–41. (In Russ.)

Klyuchevskii, V. O. Pro et contra. Saint Petersburg, 2013. 950 p. (In Russ.)

Konyavskaya, E. L. Obraz Aleksandra Nevskogo v Zhitii i rannikh letopisyakh. In *Aleksandr Nevskii. Lichnost'. Epokha. Istoricheskaya pamyat'. K 800-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, 2021. Pp. 31–41. (In Russ.)

Kostromin, K., prot. Sv. Aleksandr Nevskii i latinskii Zapad glazami drevnerusskikh agiografov. In *Paleososiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 2020. No. 1 (12). Pp. 124–130. DOI 10.24411/2618-9674-2020-10010 (In Russ.)

Kuchkin, V. A. Mongolo-tatarskoe igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII – pervaya chetvert' XIV v.). In *Russkaya kul'tura v usloviyakh inozemnykh nashestvii i voin. X – nachalo XX v.* Moscow, 1990. Iss. 1. Pp. 15–69. (In Russ.)

- Kuchkin, V. A. Aleksandr Nevskii – gosudarstvennyi deyatel' i polkovodets srednevekovoi Rusi. In *Otechestvennaya istoriya*. 1996. No. 5. Pp. 18–33. (In Russ.)
- Kuchkin, V. A. Zavoevanie Rusi Batyem. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 4. Pp. 3–30. DOI 10.31857/S086956870010767-4 (In Russ.)
- Kudryavtsev, O. F. Aleksandr Nevskii i katolicheskii Zapad. In *Aleksandr Nevskii. Lichnost'. Epokha. Istoricheskaya pamyat'. K 800-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, 2021. Pp. 79–87. (In Russ.)
- Laushkin, A. V. Mitropolit Kirill II i osmyslenie ordynskogo iga vo vtoroi polovine XIII veka. In *Bogoslovskii sbornik*. Moscow, 2002. Iss. 10. Pp. 211–224. (In Russ.)
- Laushkin, A. V. Rus' i sosedi: istoriya etnokontsional'nykh predstavlenii v drevnerusskoi knizhnosti XI–XIII vv. Moscow, 2019. 297 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie. Moscow; Leningrad, 1947. 499 p. (In Russ.)
- Lind, D. G. Nekotorye soobrazheniya o Nevskoi bitve i ee znachenii. In *Knyaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha. Issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg, 1995. Pp. 44–54. (In Russ.)
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki. Moscow, 2006. 740 p. (In Russ.)
- Lukin, P. V. German Merchants in Novgorod: Hospitality and Hostility, Twelfth–Fifteenth Centuries. In *Baltic Hospitality from the Middle Ages to the Twentieth Century*. Cham, 2022. Pp. 117–142.
- Lur'e, Ya. S. Srednevekovyi roman ob Aleksandre Makedonskom v russkoi literature XV v. In *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV veka*. Moscow; Leningrad, 1965. Pp. 145–168. (In Russ.)
- Maierov, A., Rudenkova, I. Poslanniki papy Innokentiya IV k Aleksandru Nevskomu: zagadki biograficheskoi istorii. In *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11. No. 3. Pp. 931–949. DOI 10.15826/qr.2023.3.827 (In Russ.)
- Mansikka, V. Zhitie Aleksandra Nevskogo: Razbor redaktsii i teksty. Saint Petersburg, 1913. (Pamyatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva; Vol. 180). VI, 226, 12–137 p. (In Russ.)
- Molchanov, A. A. Aleksandr: znakovoe imya v dinasticheskoi i kul'turnoi traditsii. In *Imenoslov. Zametki ob istoricheskoi semantike imeni*. Moscow, 2003. Pp. 103–111. (In Russ.)
- Nazarenko, A. V. Aleksandr Yaroslavich Nevskii. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2000. Vol. 1. Pp. 541–544. (In Russ.)
- Nazarova, E. L. Krestovyi pokhod na Rus' 1240 g. (organizatsiya i plany). In *Vostochnaya Evropa v istoricheskoi retrospektive. K 80-letiyu V. T. Pashuto*. Moscow, 1999. Pp. 190–201. (In Russ.)
- Pashuto, V. G. Geroicheskaya bor'ba russkogo naroda za nezavisimost'. XIII vek. Moscow, 1956. 279 p., 2 separate l. of maps. (In Russ.)
- Pashuto, V. G. Vneshnyaya politika Drevnei Rusi. Moscow; Leningrad, 1968. 472 p., 1 l. of maps. (In Russ.)
- Pashuto, V. G. Aleksandr Nevskii. Moscow, 1974. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei; Iss. 10 (542)). 160 p., 1 l. of portr. (In Russ.)
- Pchelov, E. V. Solntse kak simbol monarkha v russkoi kul'ture vtoroi poloviny XVIII v. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. 2024. Vol. 15. Iss. 7 (141). URL: <https://history.jes.su/s207987840032142-5-1/>. DOI 10.18254/S207987840032142-5 (In Russ.)
- Pospelov, E. M. Geograficheskie nazvaniya Rossii. Toponimicheskii slovar'. Moscow, 2008. 523, [2] p. (In Russ.)
- Ramm, B. Ya. Papstvo i Rus' v X–XV vekakh. Moscow; Leningrad, 1959. 283 p. (In Russ.)
- Rogov, A. I. Aleksandr Nevskii i bor'ba russkogo naroda s nemetskoi feodal'noi agressiei v drevnerusskoi pis'mennosti i iskusstve. In *"Drang nakh Osten" i istoricheskoe razvitie stran Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy*. Moscow, 1967. Pp. 32–58. (In Russ.)
- Rudakov, V. N. Synov'ya velikogo knyazya vo vremya osady Vladimira: k probleme vospriyatiya bor'by s mongolo-tatarami v letopisanii. In *Istoricheskaya antropologiya: mesto v sisteme sotsial'nykh nauk, istochniki i metody interpretatsii. Tezisy dokladov i soobshchenii nauchnoi konferentsii. Moskva, 4–6 fevralya 1998 g.* Moscow, 1998. Pp. 191–193. (In Russ.)
- Rudakov, V. N. Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov. 3rd edition, revised and expanded. Moscow, 2017. 268, [3] p., [4] l. of coloured il. (In Russ.)
- Rudakov, V. N. Sobytiya na reke Siti (1238) v kontekste povedeniya pravitelei russkikh zemel' v gody nashestviya Batyya. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 2023. No. 1. Pp. 3–26. DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-3-26 (In Russ.)

- Rudakov, V. N. Pamyat' o dvukh srazheniyakh epokhi Batyeva nashestviya. In *Istoricheskii vestnik*. 2023. Vol. 45. Pp. 66–87. DOI 10.35549/HR.2023.2023.45.003 (In Russ.)
- Serebryanskii, N. I. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya. Obzory redaktsii i teksty. Moscow, 1915. 494 p. separate pagination. (In Russ.)
- Shaskol'skii, I. P. Bor'ba Rusi protiv krestonosnoi agressii na beregakh Baltiki v XII–XIII vv. Leningrad, 1978. 245 p. (In Russ.)
- Shenk, F. B. Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamyati: svyatoi, pravitel', natsional'nyi geroi (1263–2000). Moscow, 2007. 589 p., [16] l. of il., portr., facs. (In Russ.)
- Sinitsyna, N. V. Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.). Moscow, 1998. 410, 4 p. (In Russ.)
- Sirenov, A. V. O prozvishchakh drevnerusskikh knyazei. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2017. No. 2. Pp. 184–193. (In Russ.)
- Smirnov, S. I. Issledovanie V. O. Klyuchevskogo “Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik”. In *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. 1914. Book 1 (248). Pp. 53–71. (In Russ.)
- Solov'ev, S. M. Sochineniya: V 18 knigakh. Moscow, 1988. Book 2: Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Vol. 3–4. 765 p. (In Russ.)
- Stavisskii, V. I. Kievskaya letopis' i Khronograf. In *Ruthenica*. Kiev, 2019. Vol. 15. Pp. 250–264. (In Russ.)
- Vernadskii, G. V. Dva podviga sv. Aleksandra Nevskogo. In *Evraziiskii vremennik*. Berlin, 1925. Book 4. 446, [2] p. (In Russ.)
- Vilkul, T. L. Mstislav Khrabryi – k proiskhozhdeniyu epiteta. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2005. No. 3 (21). P. 14. (In Russ.)
- Vilkul, T. L. Letopis' i khronograf. Tekstologiya domongol'skogo kievskogo letopisaniya. Moscow, 2019. 459, [3] p. (In Russ.)
- Vorotyntsev, L. V. “Ordynskii plen” ryazanskogo knyazya Olega Ingvarovicha Krasnogo (1238–1258 gg.): ot istoriograficheskogo mifa k istoricheskim realiyam. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2021. Vol. 9. No. 4. Pp. 733–748. DOI 10.22378/2313-6197.2021-9-4.733-748 (In Russ.)
- Zhivov, V. M. Svyatost'. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov. Moscow, 1994. 110 p. (In Russ.)

Vladimir N. Rudakov
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

GLORIFICATION OF THE HOLY PRINCE ALEXANDER NEVSKY IN THE SECOND HALF OF THE 13th CENTURY: TEXT AND CONTEXT

An analysis of the hagiographic story about Alexander Nevsky, created immediately after the death of the prince, allows us to conclude that it was not the struggle “with Latinism and the West”, as it is often interpreted in historiography, that became the main motive for the glorification of the holy Prince. Alexander's main advantage, from the point of view of his hagiographer, consisted in his bravery comparable to that of Alexander the Great, as well as the help provided to the Prince from above and making him invincible. In the period following the invasion of Batu, during which most of the Russian princes actually refused to fight the enemy, the above qualities of Alexander obviously distinguished him from the general number of Russian rulers and gave grounds for posthumous glorification.

Keywords: Alexander Nevsky, Alexander the Great, “The Sun of the Land of Suzdal”, the invasion of Batu, Rome, Catholicism, bravery, glorification